

А. А. Хохлов

Территориально-культурная локализация как фактор церковного правосознания: к постановке проблемы

УДК [348:340.1:911.3](470+571)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_155
EDN NQVSGH

Аннотация: В статье ставится проблема взаимосвязи церковного правового сознания и географической локализации христианских общин. Утверждается обусловленность правопонимания членов Церкви и правоприменительной практики историческими, этническими и культурными факторами. Накопленный исторический, этнографический и социально-психологический материал позволяет сделать вывод, что, несмотря на общецерковный авторитет норм церковного права, в различных локалитетах они могут пониматься по-разному, а в ряде случаев находиться в жесткой зависимости от локальной традиции. Указанная ситуация в особенности характерна для России с ее значительными пространствами, этнокультурной мозаичностью и относительно слабой связью внутренних территорий друг с другом. Данная тема, в силу своей сложности и междисциплинарного статуса, до сих пор не становилась предметом специального научного изучения. В связи с чем настоящей публикацией открывается обширное и перспективное исследовательское поле, освоение которого позволит по-новому понять и осмыслить правовое наследие Церкви и его реализацию в истории и современных российских реалиях. Статья написана на основе доклада, сделанного автором на VIII Барсовских чтениях (Санкт-Петербургская духовная академия, 06.12.2024 г.).

Ключевые слова: церковное право, канон, закон, Церковь, правосознание, менталитет, культура, география, этнос, территориально-культурная локализация.

Об авторе: **Александр Анатольевич Хохлов**

Доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Высшей школы международных отношений и мировой истории Института международных отношений, истории и востоковедения ФГОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», старший научный сотрудник Центра изучения религии и миграционных процессов Академии наук Республики Татарстан, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

Для цитирования: Хохлов А. А. Территориально-культурная локализация как фактор церковного правосознания: к постановке проблемы // Христианское чтение. 2025. № 1. С. 155–160.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2025; принята к публикации 24.01.2025.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2025

Alexander A. Khokhlov

Territorial and Cultural Localization as Factor of Church Legal Consciousness: Problem Stating

UDK [348:340.1:911.3](470+571)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_155
EDN NQVSGH

Abstract: The article raises the problem of relationship between the church legal consciousness and geographical localization of Christian communities. It is argued that the legal understanding of Church members and law enforcement practices are conditioned by historical, ethnic and cultural factors. The accumulated historical, ethnographic and socio-psychological material brings to a conclusion that despite the universal authority of the norms of church law, they are understood differently in different places, and in some cases strictly depend on a local tradition. This situation is particularly characteristic of Russia, with its vast expanses, ethno-cultural mosaic, and relatively weak connection of inner territories with each other. Due to its complexity and interdisciplinary status, this topic has not yet been the subject of specific scientific research. Thus, the article opens up an extensive and long-range research field whose development will make for a new understanding and comprehension of the legal heritage of the Church and its implementation in history and present Russian realities. The article is based on a report presented at the VIII Barsov Readings (St. Petersburg Theological Academy, 06.12.2024).

Keywords: church law, canon, law, Church, legal consciousness, mentality, culture, geography, ethnicity, territorial and cultural localization.

About the author: **Alexander Anatolyevich Khokhlov**

Doctor of Historical Sciences; Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography at the Higher School of International Relations and World History of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies at the Kazan (Volga Region) Federal University; Senior Researcher of the Center for the Study of Religion and Migration Processes at the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Full Member of the T. V. Barsov Society for the Study of Church Law (Barsov Society) at the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

For citation: Khokhlov A. A. Territorial and Cultural Localization as Factor of Church Legal Consciousness: Problem Stating. *Khristianskoye Chteniye*, 2025, no. 1, pp. 155–160.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 23.01.2025; accepted for publication 24.01.2025.

Утверждение о полисубъектности правового сознания сегодня в юридической антропологии принято считать аксиоматичным и не требующим специальных доказательств. Правосознание эксплицитно реализует себя как на индивидуальном, так и на групповом и общественном уровнях, что позволяет говорить не столько о правосознании как таковом, сколько о *совокупности различных правосознаний*, на том основании, что в правосознании центральное место занимает именно субъект осознания права (см.: [Муслумов, 2013, 16]). Указанное в полной мере относится и к правосознанию в Церкви, выступающей неотъемлемой частью того социального пространства, в котором она реализует себя здесь и сейчас. Однако если так выглядит картина в вертикальном разрезе, то в горизонтальном проступает не менее примечательная особенность: в условиях России, с присущей ей спецификой исторического и культурного развития, в немалой степени обусловленной географией и этнокультурным многообразием, правовое сознание (в том числе церковное) зависимо еще и от конкретных территориально-культурных локалитетов во всей сложности их внутренней организации.

В современной российской государственной правовой системе имеет место важный конституционный принцип единства правового пространства страны, обеспечиваемого надлежащим контролем соответствующих органов федеральной и региональной власти. Единство правового пространства квалифицируется правоведами как важнейшее условие суверенитета, безопасности и целостности государства, в силу чего верховенство общепринятого на его территории закона имеет статус неоспоримый. Зададимся вопросом, не ровно ли такими же предстают правовые идеалы и принципы церковной организации, всей силой церковно-правовой традиции ориентированной на их реализацию везде и всюду, где имеются действующие христианские общины? Возможно, приведенная аналогия покажется несколько грубой и не вполне корректной. Однако дело не в иллюстрациях и формулировках, а в сути поставленного вопроса. Не имея возможности уделить достаточно внимания его раскрытию, между прочим отметим, что едва ли найдутся основания отрицать, к примеру, хотя бы тот факт, что границы митрополий и епархий, в силу издревле установленных норм, как правило, приводятся в соответствие с территориально-административным делением государства. Для Русской же Церкви данный подход на всем протяжении ее истории и вовсе был практически безальтернативен. По крайней мере, установка на это просматривается во все исторические периоды, включая современный. Таким образом, в приведенном примере видятся точки соприкосновения двух систем и та синхронность государственно-церковного развития, которая отражает специфику земного бытия Церкви. Так же, как и государство, Церковь категорически заинтересована в сохранении и неукоятельном воспроизведении на местах всего корпуса церковно-правовых норм. Однако при этом все же открытым остается вопрос: возможно ли достижение этой цели в полной мере? И дело не только в значительном индивидуальном разнообразии субъектов правосознания, создающем в епархиальной или приходской повседневности многочисленные «вариации на тему» (данный аспект проблемы мы опустим), но и в существенном значении условий среды, в которых происходит привитие и культивация церковно-правовых принципов и правил, в ее специфике, конфигурации и содержании.

Исторически Россия отличалась значительными и крайне разнообразными с природно-географической точки зрения территориями. Это вызывало к жизни свои культурно-психологические эффекты. Так, В. О. Ключевский постулировал: природа — «колыбель народа» [Ключевский, 1987, 63]. Бескрайние пространства и суровый климат на протяжении длительного времени способствовали формированию и консервации относительно замкнутых территориально-культурных ареалов, связь между которыми была жестко ограничена. Такое состояние вызывало кристаллизацию особенного, по-своему уникального этнокультурного профиля населявших их общностей, характеризовавшихся самобытной психологией мировосприятия, коммуникации и, как следствие, практикой решения возникавших в повседневности проблем, постепенно оформлявшихся в локальную традицию.

Во 2-й пол. XX в. полевые данные, накопленные советской этнографией, в конечном счете подвигли специалистов к разработке оригинальной системы районирования страны, стержневым элементом которой выступила категория историко-этнографической области (наряду с провинцией и районом), население которой, несмотря на различный национальный состав, в силу общности исторических судеб выработало в своей среде ментальные и культурно-бытовые универсалии¹. Н. А. Бердяев, подчеркивая неоднородность культурно-психологического склада российского населения, в частности, отмечал, что «Россия — христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи» [Бердяев, 1955, 7]. Однако в его нижних слоях «остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. <...> Элемент природноязыческий вошел и в русское христианство. В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента — первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный аскетизм, устремленность к потустороннему миру» [Бердяев, 1955, 7]. Суждение мыслителя, выраженное в красочных философско-религиозных образах, позволяет между тем зафиксировать принципиально важный вывод об имманентной мозаичности российского ментального пространства в вертикальной и горизонтальной проекциях, которое в условиях самобытного исторического опыта проявляется в том числе в многообразии этнопсихологических норм — «исторически сформировавшихся систем гласных и негласных предписаний и рекомендаций, выработанных в процессе этнокультурной социализации с целью регуляции интерперсональных контактов, поведения и деятельности в различных жизненных ситуациях» [Резников, 2007, 112].

Интенсивные политические, экономические, социальные и иные трансформации XX в., а затем и информационная революция начала XXI в. несколько, а порой и существенно сгладили региональные различия, связав многочисленные локалитеты рядом общепринятых ценностных и нормативных универсалий, но не устранив в полной мере местные традиции, несмотря на все более возрастающую интенсивность межкультурного взаимодействия, миграцию и т.п. Континуум глубинных архетипов правосознания и фундаментальных, зачастую негласных нормативов поведения продолжает сохраняться и сегодня, выражаясь в различных сторонах действительности, эмоциональных и волевых состояниях этнофоров, их темпераменте и т.д. (см. подр.: [Резников, 2007, 112]). Эту живучую тенденцию наглядно проиллюстрировал в своих трудах британский культур-антрополог Б. Малиновский на примере африканских автохтонов.

Антрополог должен не упускать из виду весьма простой, но, тем не менее, постоянно забываемый факт, что всякий раз, вступая в контакт с африканским населением, европеец имеет дело не с *tabula rasa*, не с бесконечно пластичным материалом, с которым можно сделать все что угодно... Утверждение, что племенные африканцы подчинены своему культурному детерминизму, означает, что, когда мы собираемся внедрять новые гастрономические привычки, новые методы земледелия или же новые статусы и законы, мы неизбежно пытаемся заменить ими те или иные культурные реалии. <...> Это может просто-напросто привести к конфликту и дезорганизации... Везде, где бы ни жили африканцы — будь то в племени или вне его, — уходящая корнями в традицию система социальных, экономических и правовых факторов и ценностей остается для африканца источником силы и вдохновения [Малиновский, 1997, 377–378].

В России в этой части даже в кон. XX в. по местам наблюдалась едва ли не более экзотическая картина, несмотря на десятилетия жесткого искоренения советской

¹ Так, сегодня мы с уверенностью можем говорить о специфическом характере «уральцев», «сибиряков», «дальневосточников», «кавказцев» и т.д.

властью этнопсихологических «пережитков» в союзных республиках и внутренних регионах РСФСР и безальтернативное утверждение диктата общегосударственного закона взамен традиционных форм права. Так, В. В. Бочаров вспоминал, как в 1980-х гг., будучи в экспедиции в Абхазии, получил сведения от информантов одного из сел, которые сообщили, что у них «совсем недавно имела место вражда между двумя родами, причем представитель одного рода возглавлял местную организацию КПСС, другого — сельский совет. События зашли довольно далеко, имелись случаи серьезных акций с обеих сторон по нанесению имущественного ущерба. В общем, вражда затихла после того, как из Очамчиры прибыл высокопоставленный партийный чиновник и провел „обряд замирения“ в местном клубе. Информация передавалась нам „по секрету“ за „дружеским ужином“ после дневной полевой работы» [Бочаров, 2012, 96]. Полагать (пусть даже априорно), что распространение христианства с его корпусом регулятивных норм на указанных территориях принципиально не сталкивалось и не сталкивается с аналогичными вызовами, а церковное право понимается и реализуется так, как это мыслят в синодальных комиссиях, — весьма опрометчиво.

Наряду с ситуативными факторами, которые в правоприменении подчас играют определяющую роль, особое место в рассматриваемом вопросе занимают местные правовые обычаи — узловые элементы поколенческой культурной трансмиссии. Сами по себе они чрезвычайно иллюстративны. Как отмечает диакон В. Сократилин, проблема обычаев в том, что они «могут отражать учение Церкви и преломлять веру на практике как верно (т. н. „добрый обычай“), так и неверно (т. н. „суеверие“). Обычай может играть важную роль в деле христианского воспитания, как это было, например, в так называемых „традиционных обществах“, где преемственность религиозного самосознания, ценностей и идеалов от родителей к детям гарантировалась самим укладом жизни. Однако, вырванный из своего культурно-религиозного контекста, обычай может служить отрыву от подлинно христианских ценностей и опыта Христа» [Сократилин]. Если же принять за основу мнение В. В. Болотова о том, что «канонично то, что полезно для Церкви», то правосознание и, как следствие, вся правоприменительная практика могут подвергаться радикальной трансформации в сторону повышения значимости утилитарных мотивов в ущерб их церковно-правовому соответствию. В реальных условиях правосознание, как правило, не определяется одной только ситуативной выгодой, а испытывает на себе давление совокупности прочих факторов, приобретающих в конечном счете значительный модифицирующий потенциал. В случае высокой степени интериоризации групповых норм на местах, которые априорно не ощущаются субъектами правосознания как нечто внешнее и давящее, почти автоматическое смещение акцента с прописных норм на нормы обычного права протекает без существенного внутреннего сопротивления и ощущается как бы вполне естественным и комфортным (см.: [Гофман, Левкович, 1973, 17]). Учитывая высокую степень императивности правового обычая, являющейся одной из его ключевых характеристик и часто вовсе никак не проявляющей себя до появления признаков девиантного (отклоняющегося) поведения, его «невидимость» на уровне правового сознания в какой-то момент может актуализироваться и через позицию силы, принимая на себя груз личной ответственности по принципу «наши предки всегда так поступали». В этом смысле показательно мнение некоего местного жителя одного из внутренних районов Северной Америки, высказанное им в беседе с антропологом К. Клакхоном: «В старину не было никакого закона; каждый делал то, что было правильно» [Klukhon, 1949, 29].

Значение рассматриваемой проблемы, конечно же, не следует преувеличивать. Имеет место точка зрения, что сегодня, в целом, авторитет церковного права в повседневной жизни Церкви на местах вполне устойчив, не подвержен избыточной эрозии и спекуляциям. Сторонники данного взгляда указывают как на многочисленные «конвенциональные» теоретические суждения субъектов правосознания в лице епископата и прочего духовенства, так и на правоприменительную практику общецерковного и епархиального судопроизводства. Впрочем, не исключено, что достижение

этого становится возможным в т.ч. за счет наличия механизмов относительно эффективного «церковно-общественного контроля», обусловленного вероятностью огласки грубого нарушения правоприменительных принципов в ситуации «информационного общества». Это побуждает епархиальные структуры (в т.ч. суды) ограничивать как личные пристрастия и предпочтения, так и влияние местной традиции, сохраняя при этом хотя бы видимость приверженности общецерковным регулятивным нормам. Однако не стоит упускать из виду и того, что материалы епархиальных судебных процессов недоступны для научного анализа, в том числе и в аспекте выявления характерных детерминант и акцентуаций их акторов.

Смеем предположить, что правовое сознание церковных субъектов в территориально-культурных локалитетах в условиях исторически и культурно обусловленных российских реалий в той или иной мере (или же потенциально) всегда будет зависеть от местной специфики. Но, несмотря на очевидные сложности на пути объективного раскрытия поставленной проблемы, в том числе и сугубо методологического плана, все же видится необходимым дальнейшее изучение вопроса, как и создание благоприятных условий для его организации. Практическая целесообразность такого сомнений не вызывает, поскольку, очевидно, послужит повышению уровня правосознания на местах и конструктивизации правоприменительной практики в соответствии с идеалами и принципами церковного Предания.

Источники и литература

1. Бердяев (1955) — *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955. 224 с.
2. Бочаров (2012) — *Бочаров В. В.* Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: Учебное пособие. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 386 с.
3. Гофман, Левкович (1973) — *Гофман А. Б., Левкович В. П.* Обычай как форма социальной регуляции // Советская этнография. 1973. № 1. С. 14–24.
4. Ключевский (1987) — *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.
5. Малиновский (1997) — *Малиновский Б.* Научные принципы и методы культурного изменения // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1. С. 371–384.
6. Муслумов (2013) — *Муслумов Р. Р.* Правовое сознание личности. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013. 84 с.
7. Резников (2007) — *Резников Е. Н.* Психология этнического общения. М.: Ин-т психологии РАН, 2007. 201 с.
8. Сократилин — *Сократилин В., диак.* Каноны и каноническое право православной церкви. URL: <https://clck.ru/3Eyshi> (дата обращения: 28.12.2024).
9. Kluckhohn (1949) — *Kluckhohn C.* Mirror for man. N. Toronto: Mccraw-Hill Book Company, 1949. 342 p.